

А. С. Бочкарев

Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг.

Одной из немаловажных сторон воинской повседневности выступает проблема дезертирства. Борьба с этим повсеместным явлением в армии в условиях российской действительности XVII в. включала комплекс мер как законодательно-нормативного, так и оперативно-управленческого характера. Непосредственная реализация последних велась прежде всего посредством сыска и возвращения в строй бежавших военнослужащих. В данной статье будут проанализированы причины бегства и организация сыска беглых солдат на примере олонецких полков «нового строя» в общем контексте военных реформ царя Алексея Михайловича в середине XVII в.

Статья основывается на материалах Новгородского разрядного полка — территориального формирования вооруженных сил Русского государства XVII в. Основные архивные источники, использованные в статье, относятся к олонецким полкам «нового строя». Документы сосредоточены в основном в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) в столбце 129 фонда 210 «Разрядный приказ» по описи столбцов Новгородского стола¹. Частично материалы опубликованы А. Ю. Жуковым в сборнике «Истоки Карелии: время, территория, народы»². Некоторые сведения о полках содержатся также в описи по Олонцу в фонде 137 РГАДА³. В основном анализ основан на документах начала 1660-х гг., когда дезертирство олонецких солдат из Новгородского разрядного полка проявилось особенно сильно.

Проблема беглых солдат русской армии XVII в. изучена мало. Эту тему затрагивали в своих исследованиях Р. Б. Мюллер⁴ и Д. В. Брусницына⁵, но в их

трудах вопрос бегства олонецких солдат рассматривался сквозь призму положения крестьянства в феодальной системе России XVII в. Проблеме дезертирства также уделял внимание А. В. Малов в монографии «Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории (1656–1671)»⁶. При описании процесса формирования в Москве Первого выборного полка автор повествует о сложностях комплектования подразделений, обусловленных распатанной дисциплиной и уклонением от службы.

Следует указать, что в раннее новое время феномен дезертирства обрел угрожающие масштабы. Как правило, комплекс причин к оставлению действующей армии был единым: невыплата жалованья, голод, тяжелые условия службы, произвол начальства. В России еще в первые годы после Смуты, во время подготовки похода на Новгород в 1614 г., власти столкнулись с серьезными трудностями набора войска. Всеобщее разорение начала столетия ударило и по служилым людям. В. Н. Козляков приводит такие данные: из назначенных 132 человек владимирских дворян и детей боярских в новгородский поход в полки явилось 14 человек, остальные либо не поехали, либо сбежали в пути. За неявку на смотр в полк служилый человек попадал в списки нетчиков, и мог за неоднократное уклонение от службы лишиться своего оклада и части поместного и денежного жалованья, что в конечном итоге приводило к потере сословного статуса⁷. Подобные последствия уклонения от несения воинской службы впоследствии были зафиксированы Соборным уложением 1649 г.⁸

Ключевым процессом в русской армии XVII в. явилась ее постепенная вестернизация. Новые внешнеполитические задачи обнажили факт неспособности поместного и стрелецкого войска противостоять передовым западноевропейским армиям, в особенности закаленной в боях Тридцатилетней войны шведской. Модернизация вооруженных сил непосредственным образом проявилась и в истории Карелии. Здесь в 1647–1649 гг. была проведена военная реформа, сутью которой являлось создание из местных крестьян, хорошо знакомых с географией региона, солдатских и драгунского полков для охраны русско-шведской границы⁹. Это было уникальным в своем роде мероприятием. Вообще в России организация полков «иноземного строя» осуществлялась в общегосударственных масштабах и стала попыткой создания регулярной армии по европейским образцам¹⁰.

В Карелии в рамках данного проекта был осуществлен ряд мероприятий, направленных на подготовку территории и ее жителей к введению солдатской службы. Следовало переписать население и вернуть на место так называемых «сошлых» крестьян, т. е. тех, кто мигрировал в прошлые годы в смежные уезды из-за хлебного недорода и увеличения налогового бремени. Реакция населения на действия властей оказалась неоднозначной. Так, дворянин В. Д. Золотарев, направленный из Москвы в 1647 г. в Заонежские погосты для подготовки военной реформы, столкнулся с нежеланием части крестьян идти в солдаты и драгуны, а также решительным отказом «сошлых» крестьян возвращаться на старые места. К проблемам организации поселенного войска также можно

отнести и личный конфликт В. Д. Золотарева с первым олонекским воеводой Ф. Ф. Волконским¹¹.

Пехотные и кавалерийский полки комплектовались за счет «справных» (т.е. способных платить налоги) крестьян в возрасте от 20 до 50 лет, при этом они освобождались от несения тягла с условием, что будут обеспечиваться продуктами своих хозяйств¹². Бюджетные сметы отражают картину освобождения от уплаты налогов. В смете за 1650 г. написано, что «тех данных и оброчных денег с нынешнего 158 году с Олонца и з Заонежских погостов с крестьян, которые написаны в салдаты для салдацкие службы, имать не велено»¹³. С другой стороны, относительно лиц, которые не призывались и обязаны были, как и раньше, выплачивать прежние налоги, сказано: «...велено имать доходы Заонежских же погостов с крестьян, которые, крестьяне, за старости и за увечье и за худобу и за одиночество и вдовы и недоросли в салдацкую службу не написаны, а живут на тяглых своих участках, и с тех данные и оброчные денги велено имать попрежнему¹⁴».

Олонецкие полки просуществовали только до 1666 г. Это связано с тем, что в начале 1660-х гг. и без того непростые отношения крестьян с властями достигли предельного напряжения. Главным образом это было обусловлено спецификой мобилизационной системы и высылкой олончан на театры боевых действий. Еще во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. срок действительной солдатской службы составлял только четыре месяца в году, благодаря чему риск погибнуть был меньше, а крестьянские хозяйства не оскудевали, так как служба происходила без длительного отрыва от сельскохозяйственных угодий. Но после подписания Кардисского мира 1661 г. и активизации боевых столкновений с Польшей правительство стало отправлять солдат на фронт «бессрочно». Дело в том, что к началу 1660-х гг. в боях погибла значительная часть Новгородского разрядного полка, что обусловило принятие чрезвычайных мер для пополнения его личного состава, в том числе поголовный бессрочный (до конца кампании) призыв в действующую армию олонецких солдат и драгун¹⁵. Потери среди олонецких полков во многом были вызваны значительным некомплектом подразделений и их посредственной выучкой¹⁶. Гибель большого числа солдат спровоцировала опустошение крестьянских хозяйств. Пытаясь найти выход из сложной ситуации, в 1662 г. правительство издало указ, согласно которому действительная служба сокращалась до шести месяцев. Но это не спасло положение. Солдаты требовали возврата к старой практике призыва на четыре месяца. Отказ властей идти в этом вопросе навстречу солдатам вызвал доселе беспрецедентное массовое дезертирство¹⁷.

Значительная часть побегов приходилась непосредственно на этап отправки солдат на место службы. Часто солдаты возвращались в свои погосты с полдороги в Новгород или Псков. Побег осуществлялись как поодиночке, так и массово: например, в сентябре 1663 г. по донесению высылщика ротмистра Феклиста Ласунского, при отправке солдат из Шуйского погоста на государеву

службу сбежали 302 человека¹⁸. В материалах Новгородского полка фиксируются подобные гили, иными словами мятежи. Чаще всего солдаты бежали группами по несколько десятков человек.

В результате система поселенного войска уже на этапе ее организации выявила ряд недостатков, главным образом негативное отношение населения к воинской службе. Возобновление боевых действий и хронический недокомплект воинских контингентов потребовал переброски в действующую армию олонекских солдат, что еще усугубило ситуацию — масштабы дезертирства возросли.

Помимо жесткой мобилизационной политики, одной из главных причин побегов в олонекских полках и вообще в русской армии было ее плохое снабжение. Это особенно ощущалось во время кампании 1661 г. Тогда как польско-литовское войско содержалось двухмиллионным населением, полки Новгородского разряда выставлялись населением численностью около 400 тыс. человек. Осенью 1661 г., когда уже в сентябре выпал первый снег, полки князя И. А. Хованского сократились почти вдвое из-за голода и холода; рядовых осталось меньше, чем начальных людей¹⁹. В целом бегство со службы, как настаивает А. В. Малов, являлось одной из общих и центральных проблем всех армий XVII в. В качестве примера автор в своей книге указывает на критически затянувшийся в 1657 г. процесс комплектования в Москве Первого солдатского выборного полка, неявку на смотр почти трехсот солдат и урядников; он также иллюстрирует практику рассылок местным воеводам памятей и росписей для розыска и высылки беглых и отпусковых солдат на службу²⁰.

При побегах многие с собой уносили казенный инвентарь — оружие и экипировку. Осуществлялся строгий учет государственного имущества, поэтому в источниках имеются многочисленные фиксации подобных происшествий, когда во время побега солдаты уносили бердыши, мушкеты, банделеры, кормовые деньги и собственно свою униформу. Поскольку при выдаче на руки всего этого имущества составлялись поименные списки солдат-получателей, то и в случае их бегства в поименных списках беглецов отмечалась каждая унесенная ими казенная вещь, причем с указанием имени взявшего ее солдата. Ситуацию иллюстрирует заглавие одного из таких документов: «Роспись беглым солдатам Крестьянова полку Любенова, которые побежали из Пскова сентября 22 числу и собою все снесли государевы бердыши»²¹.

Интересными для исследования представляются также организованные групповые вооруженные побег, в которых проявились солдатская солидарность и сплочение. В материалах Новгородского полка зафиксирован случай, произошедший в мае 1662 г. в районе Опочки, — два сержанта полка Иоганна Трейдена Мироська Осипов и Климко Федоров подговорили к побегу пятьдесят человек — и затем все они сбежали. С собой солдаты забрали мушкеты и, как показал на допросе ротмистр Ф. Мартьянов, ссылаясь на слова Трейдена, еще и полковой барабан. За солдатами была послана погоня: Трейден отправил за ними майора с начальными людьми. Настигнутые беглецы дали преследо-

вателям ожесточенный бой. Документы свидетельствуют о мушкетной перестрелке. В результате зачинщики мятежа, сержанты Мирон Осипов и Клим Федоров были пойманы, остальным же солдатам удалось скрыться. Дальнейшее развитие событий вокруг данного инцидента не менее интересно, чем сам побег. Изначально Иоганн Трейден предполагал Осипова повесить во Пскове, а Федорова отправить в Новгород по запросу воеводы Б. А. Репнина. Но в дело вмешались псковичи. Из черновиков отписок Репнина государю мы узнаём, что в июне, перед самой казнью, у виселицы появилась большая толпа посадских людей под предводительством протопопа Кондрата Кузмина, которые отбили сержанта Мирона Осипова у палача, а затем напали на полковника и других офицеров: «и ево, полковника, и начальных людей хотели убить, и он де, по[д]скочив на лошадь, одва от них с поля уехал». Массовое сознание, как утверждает А. В. Малов, отказывалось признавать за иноземцем право казнить православного человека. Данные события и расшатанная дисциплина в полку сразу же спровоцировали мятеж и новые массовые вооруженные побег. В бумагах Репнина это выглядит следующим образом: «И после того, государь, на тот гил смотря, розбежалось салдат з дороги, вышел изо Пскова, не дошед города Острова, у подполковника у Христофора Трейдена дватцать человек с ружьем и со всем салдацким строем, взяв его, великого государя денежное и хлебное жалованье». После такого накала отношений между властями и населением полковник Иоганн Трейден долгое время опасался отправлять второго сержанта, Клима Федорова, в Новгород, ссылаясь на то, «чтоб его тож гили не отбили», несмотря на требования Репнина об отправке. В итоге Федорова все-таки повесили, но лишь 27 августа, и не в Новгороде, а в Олонце²².

Таким образом, источники дают живописную картину дезертирства солдат из олонечских полков. Людей вынуждала к побегу не только отправка в армию на неопределенный срок и последующее обеднение их хозяйств, но и плохое обеспечение войск. Солдаты находили выход в массовых побегах из армии, что требовало от властей организации системы борьбы с дезертирами.

Борьба с дезертирством имела различные формы. В девятой статье седьмой главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения 1649 г. имеется указание, как нужно поступать с даточным человеком в случае его побега со службы. Согласно тексту, дезертира следовало разыскать, бить кнутом, затем выслать в полки в сопровождении приставов. Если беглец не будет найден, взыскать с его поручителей сумму в размере солдатского полугодового жалованья²³. Фактически к пойманным беглецам применялись не только телесные наказания, но и тюремное заключение. Во время комплектования упомянутого выше Первого выборного полка проблему дезертирства правительство решало ужесточением мер. Так, воеводам предписывалось сажать в тюрьму холопов и крестьян, принадлежавших солдату-помещику, а у остальных сажать жен и детей, а самих беглых солдат — бить кнутом²⁴.

Но основой данной системы являлись мероприятия по поиску сбежавших солдат группой специально назначенных людей — *сыщиков*. Ими были офицеры, как правило, в чине капитана или ротмистра, реже майора, которые с небольшим вооруженным отрядом отправлялись в уезды, в места проживания беглецов²⁵. Зачастую они совмещали эту должность с должностью *высылщика* — человека, занимавшегося непосредственно призывом в армию. В документах сохранились имена этих людей. Среди них по частоте упоминаний в столбце 129 можно выделить прежде всего ротмистра Феклиста Ласунского²⁶ и капитана Василия Мячкова²⁷. Также в документах встречаются имена Богдана Путилова²⁸, Богдана Ефимова²⁹, Еремея Мартьянова³⁰, Степана Белеутова, Дмитрия Болнянинова, Федора Мяхкого³¹. В их обязанности входили поиск и высылка сбежавших солдат обратно на государеву службу. При этом сыщики действовали согласно именным росписям, указывавшим, кого и где следует искать³². Росписи эти предоставлялись сыщикам командирами полков или местными воеводами³³. В сыскных документах повсеместно встречается формулировка «*сыскать по росписи*». Так, во время одного из розыскных рейдов Богдана Путилова в Луцкий уезд «велено ему на Луках Великих взять у воеводы у Константина Нащокина стрельцов и пушкарей, сыскать *по росписи* салдат прошлого 167 году и прислать с стрельцы в Великий Новгород»³⁴. Нечто подобное можно встретить и в отписке Б. А. Репнина олонецкому воеводе Т. В. Мышецкому: «...писал к тебе на Олонец о беглых салдатех многажды чтоб тех беглых салдат *по росписям* сыскал, прислал на государеву службу ко мне...»³⁵ В отчете Феклиста Ласунского Б. А. Репнину о своих действиях в Выгозерском стане встречается такая фраза: «...а велено мне, государи, по вашему наказу и *по росписи* Олонецкого города воеводе князя Терентия Васильевича Мышецкого... сыскивать беглых и отсталых солдат...»³⁶

Высылка солдата сопровождалась составлением *поручных записей* (поручительств) от его родственников и односельчан, которые несли материальную ответственность за «своего» солдата. Согласно Соборному уложению, в случае побега солдата поручители подвергались правезу, т. е. с них взимались штрафы в размере полугодового солдатского жалованья. Сверх этого изымалась «шуба» в счет солдатской униформы, в которой он совершил побег. Далее, один из поручителей должен был занять место дезертировавшего солдата и пойти вместо него на службу. Затем сыщик отряжал от своей группы нескольких человек во главе со стрельцом или сержантом для сопровождения солдат на службу. Тем не менее, как указывает Д. В. Брусницына, опираясь на материалы Олонецкой воеводской избы, в подавляющем большинстве случаев порука нарушалась, солдаты сбегали в родные селения, где их тщательно укрывали родственники и земляки. Население сочувствовало дезертирам³⁷. Видимо, активная поддержка беглых солдат местным населением объяснялась «природным абсентеизмом» русских по отношению к военной службе, устойчивой ненавистью к войне, являвшейся культурно-нравственной чертой народа³⁸.

Крестьяне изыскивали и иные способы уклонения от воинской службы. Они постригались в монахи, нанимались в съезжую избу подьячими или приставами. В этом плане интересна практика заключения договоров найма с третьими лицами, согласными пойти на службу за определенную плату вместо призывника. Идея была внедрена в 1649 г. олонекскими воеводами князем Ф. Ф. Волконским и С. П. Елагиным. Популярной же практика стала с 1654 г. с началом Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг., когда олонекские полки стали отправляться на театр боевых действий. В большинстве случаев такие «наймиты» были обученными и опытными воинами, размер жалованья которых превышал жалование обычного солдата. Главной проблемой наймитов являлась их ненадежность по отношению к нанимателю. Как и большинство олонекских солдат, наемники частенько совершали побеги, из-за чего вся ответственность ложилась на плечи нанимателя: он должен был отправиться на службу вместо наймита³⁹.

Нежелание крестьян служить было столь сильно, что никакими угрозами невозможно было остановить повальное дезертирство. Солдаты сбегали в свои деревни, где их укрывали родственники, затем отыскивали сыщики и за поручками отправляли обратно в армию, но они снова сбегали с дороги, прятались в лесах⁴⁰. Так, в черновике отписки командира Новгородского полка Б. А. Репнина указывалось, что многие «драгуны и салдаты в нынечшнем в 170-м году под Полоцком побиты и в полон поиманы, и иные от голоду померли ис полков с бою, и после бою от хлебной скудости разошлись, а иные, не дошед полк, слыша хлебную скудость и устрасая голодной смерти, з дороги розбежались в рознь...»⁴¹ Р. Б. Мюллер отмечает, что при появлении сыщика разбежались не только солдаты, но и их семьи, а порой целые деревни⁴². В ответ на такие акции правительство пошло на ужесточение наказаний. В донесении И. Б. Репнина о сыщике капитане Василии Мячкове отмечено, что в августе 1662 г., в ходе розыскных мероприятий в Старицком уезде, найденные беглые солдаты были посажены в тюрьму⁴³. На дорогах создавались стрелецкие заставы для поимки дезертиров, но их деятельность была практически безрезультатной. Ужесточение наказания за побеги лишь увеличивало масштабы уклонения от службы⁴⁴.

Социальная напряженность на протяжении первой половины 1660-х гг. лишь возрастала. Опустошение крестьянских хозяйств, голод и сплоченность крестьян вызывали риск масштабного восстания. В итоге 1 июля 1666 г., за полгода до подписания Андрусовского перемирия с Польшей, вышло постановление, отменяющее службу олонекских полков⁴⁵.

Поводя итог, отметим, что организация олонекских полков «нового строя», с одной стороны, была призвана решить вопросы охраны русско-шведской границы, а с другой — повлекла массу осложнений, главным из которых стали масштабные побеги солдат из армии. В первую очередь повальное дезертирство было спровоцировано переброской олонекских полков на театр боевых

действий, что отрывало солдат от сельскохозяйственных угодий и влекло за собой запустение крестьянских хозяйств. В правительстве, очевидно, понимали сложность ситуации, однако шли на непопулярные меры поголовного бессрочного призыва в действующую армию. Кроме того, солдаты бежали из-за голода и плохого войскового снабжения, при этом унося с собой оружие, экипировку и жалование. В ответ власти ужесточали наказание за побеги, что приводило лишь к эскалации общественной напряженности. Неэффективность обычных карательных мер в отношении беглых солдат вынуждала правительство вести более тонкую и продуманную политику в отношении солдат поселенного войска. Мы видим, что в большинстве своем действовала проверенная схема розыска. Поддержание функционирования данной системы легло на местные власти, а непосредственно сыском занимались специальные должностные лица — сыщики. В ходе проведения розыскных мероприятий и обнаружения дезертиров беглых солдат брали на поруки родственники, а затем их отправляли обратно в полк. При этом зачастую сыщики обходились без применения телесных наказаний, ограничиваясь лишь денежными санкциями. Но, несмотря на усиленное поддержание жизнеспособности поселенного войска, система показала свою неэффективность, поэтому в конечном счете была упразднена.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Оп. 11. Стб 129, 272 л.

² Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Историки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91–187.

³ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. 62 л.

⁴ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

⁵ Брусницына Д. В. 1) Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 2. С. 31–34; 2) Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) // Carelica. 2013. № 1. С. 10–18; 3) Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 4. С. 104–117.

⁶ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006.

⁷ Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 95, 161.

⁸ Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 83.

⁹ Отписка Василия Золоторева в Новгородский приказ о мероприятиях по введению солдатской и драгунской службы крестьян // Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 62–66.

¹⁰ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 205–206.

- ¹¹ *Брусницына Д. В.* Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века. С. 31–33; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVII века. С. 123–130.
- ¹² *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 206.
- ¹³ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. Л. 19 — 19 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 21 об. — 22.
- ¹⁵ *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 91–92; *Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 98–101.
- ¹⁶ *Лобин А. Н., Смирнов Н. В.* Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656–1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 537.
- ¹⁷ *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 91–92.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 160.
- ¹⁹ *Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. С. 116–117.
- ²⁰ *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 76.
- ²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 24–25, 32–34, 124–125.
- ²² Там же. Л. 117, 149; Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов // *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 123–124; 22 мая 1662 г. Отрывок выписки из допроса рейтарского ротмистра Ф. Мартыанова // Там же. С. 124; 9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата // Там же. С. 124–125; 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата // Там же. С. 125–127; 30 сентября 1662 г. Из отписки воеводы Т. В. Мышечного и дьяка Д. Протопопова в Псков воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину о казни беглого сержанта Клима Федорова // Там же. С. 127; *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 122.
- ²³ Соборное уложение 1649 года. С. 83.
- ²⁴ *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. С. 76–77.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 8–9, 65–66; *Брусницына Д. В.* Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века. С. 108.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 66, 127–128.
- ²⁷ Там же. Л. 2–3, 103.
- ²⁸ Там же. Л. 35.
- ²⁹ Там же. Л. 8.
- ³⁰ Там же. Л. 7.
- ³¹ Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя» // *Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 101.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 26–30.
- ³³ Там же. Л. 33, 35.
- ³⁴ Там же. Л. 36.
- ³⁵ Там же. Л. 104.
- ³⁶ Там же. Л. 127.

- ³⁷ Там же. Л. 127–128; Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века. С. 106–109; Соборное уложение. С. 83.
- ³⁸ Кутищев А. В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого. С. 42.
- ³⁹ Брусницына Д. В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666). С. 12–14.
- ⁴⁰ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 134.
- ⁴¹ Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика донесения командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя» // Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 99–103.
- ⁴² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 136.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб 129. Л. 2.
- ⁴⁴ Не ранее 16 июня 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о численности ратных людей и о потерях от военных действий из-за побегов со службы // Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы. С. 105–108.
- ⁴⁵ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 138.

References

- BRUSNITSYNA D. V. *Konflikt vlastnykh polnomochii organizatorov sluzhby pashennykh soldat v Karelii XVII veka* // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. N 7. T. 2. S. 31–34.
- BRUSNITSYNA D. V. *Naimity i ikh "khozyaeva" v olonetskikh polkakh pashennykh soldat (1649–1666)* // *Carelica*. 2013. N 1. S. 10–18.
- BRUSNITSYNA D. V. *Oformlenie poruchnykh zapisei kak sposob bor'by s dezertirstvom pashennykh soldat v Karelii vtoroi poloviny XVII veka: po materialam Olonetskoï voevodskoi izby* // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. N 4. S. 104–117.
- Kareliya v XVII veka. Sbornik dokumentov* / Pod. red. A. I. Andreeva. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izd-vo Karelo-finskoi SSR, 1948.
- KOZLYAKOV V. N. *Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov*. Moscow: Kvadriga, 2018.
- KURBATOV O. A. *Voennye reformy Rossii vtoroi poloviny XVII veka. Konnitsa*. Moscow: Kvadriga, 2017.
- KUTISHCEV A. V. *Dezertirstvo v evropeiskikh armiyakh v epokhu Lyudovika XIV i Petra Velikogo* // *Manuskript*. 2018. N 4. S. 41–45.
- LOBIN A. N., SMIRNOV N. V. *Bor'ba za Yur'ev-Livonskii v gody russko-shvedskoi voiny (1656–1658)* // *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Vtoraya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*, 18–20 maya 2011 goda. St. Petersburg, 2011. Ch. I. S. 534–549.
- MALOV A. V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyi period svoei istorii*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006.
- MYULLER R. B. *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv.* Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izd-vo Karelo-finskoi SSR, 1947.
- Sobornoe ulozhenie 1649 goda* / Pod red. M. N. Tikhomirova, P. P. Epifanova. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961.
- Voennaya entsiklopediya. T. IX. Dvina Zapadnaya — Elets*. St. Petersburg: Tipografiya T-va I. D. Sytina, 1912.
- ZHUKOV A. Yu. *Olonetskie polki "novogo stroya" v 1662 g.: dokumenty i materialy* // *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody. Polevye issledovaniya i arkhivnye materialy*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2014. S. 91–187.
- ZHUKOV A. Yu. *Upravlenie i samoupravlenie v Karelii v XVII v. Velikii Novgorod*: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2003.

Список литературы

- Брусицына Д. В.* Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7. Т. 2. С. 31–34.
- Брусицына Д. В.* Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) // *Carelica*. 2013. № 1. С. 10–18.
- Брусицына Д. В.* Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 4. С. 104–117.
- Военная энциклопедия. Т. IX. Двина Западная — Елец. СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912.
- Жуков А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91–187.
- Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003.
- Карелия в XVII веке. Сборник документов / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-финской ССР, 1948.
- Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018.
- Курбатов О. А.* Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017.
- Кутищев А. В.* Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра Великого // Манускрипт. 2018. № 4. С. 41–45.
- Лобин А. Н., Смирнов Н. В.* Борьба за Юрьев-Ливонский в годы русско-шведской войны (1656–1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 534–549.
- Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М.: Древлехранилище, 2006.
- Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-финской ССР, 1947.
- Соборное уложение 1649 года / Под ред. М. Н. Тихомирова, П. П. Епифанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

А. С. Бочкарев. Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг.

В статье рассматриваются дезертирство и особенности сыска беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 60-х гг. XVII в. Данный период активной вестернизации русской армии и боевых действий последних лет Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. примечателен довольно сложным положением русской армии на театре боевых действий. При написании статьи использовались документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (в первую очередь внутренняя переписка Новгородского разрядного полка, касающаяся сыска беглых служилых людей), а также ряд опубликованных источников. К началу 1660-х гг. правительство увеличило срок службы олонецких полков и стало отправлять их на театр боевых действий. Длительный отрыв от сельскохозяйственных угодий, гибель на фронте значительного числа солдат, а также плохое снабжение вызвали беспрецедентное массовое дезертирство. Правительство решало проблему беглых солдат организацией системы розыска дезертиров. Сутью данной системы являлись мероприятия по розыску сбежавших солдат группой специальных должностных лиц — сыщиков. В их обязанности входили поиск и высылка сбежавших солдат обратно на государеву службу. Высылка солдата сопровождалась составлением поручительств с его родственниками, которые несли за него материальную ответственность в случае дальнейших побегов. В конечном итоге система показала свою неэффективность. Не помогло даже ужесточение наказаний за побег, настолько велико было нежелание крестьян нести военную службу. В результате к завершению Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. олонецкие полки «нового строя» были упразднены.

Ключевые слова: дезертирство, беглые солдаты, мятеж, сыщики, Борис Александрович Репнин, олонецкие полки «нового строя», русская армия XVII в., Новгородский разрядный полк.

A. Bochkarev. Desertion and search for fugitive soldiers of Olonets “new order regiments” in the 1660’s

The article considers the problem of desertion and search for fugitive soldiers of Olonets “new order regiments” in the 1660’s. The period was noted for active “westernization” of the Russian army and battles during the Thirteen Years’ War (1654–1667), also for strategic situation of the Russian army. The paper uses documents stored in the Russian Archive for Ancient Records concerning the aspects under study, as well as published sources. This period characterized the introduction of longer army service terms of regiments. As the result they were sent away from their households to participate in the war battles. The new army regulation jointly with a lot of deaths of soldiers at the front and food shortages had brought about massive desertion. The government set up a special system of detectives to search for fugitive soldiers and send them back to army. The paper describes all the processes of search. The study has revealed that the system was ineffective. As a result, by the end of the Thirteen Years’ War (1654–1667) the Olonets “new order regiments” were abolished.

Key words: desertion, fugitive soldiers, rebellion, detectives, Boris Alexandrovich Repnin, Olonets “new order regiments”.

Бочкарев, Александр Сергеевич — аспирант сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Bochkarev, Aleksandr Sergeevich — PhD Student, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

E-mail: alexander.bochkariov@yandex.ru